

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-68-78

М.И. Шутан

Нижегородский институт развития образования,
603122 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Параллелизм персонажей на уроке литературы в 10 классе: Андрей Болконский и Николай Ростов

Аннотация. Цель статьи – представить методику работы в школе с таким композиционным принципом, как параллелизм персонажей. Во вступительной части акцентируется внимание на том, как истолковывается термин «параллелизм» в отечественной филологии. Понимание термина представлено в лингвостилистическом и архитектурном контекстах. Далее на примере романа Л.Н. Толстого «Война и мир» раскрывается методика работы с параллелизмом таких персонажей, как Андрей Болконский и Николай Ростов, персонажей, практически не пересекающихся в сюжетно-событийном «поле» произведения. При этом особое внимание уделяется сопоставительному анализу по следующим направлениям: восприятие безграничного природного пространства; восприятие музыки; идеал и его крушение; чувство справедливости, честность; чувство вины; восприятие людей в условиях войны; отношение к смерти. Логика учебного занятия диктует сопоставление эпизодов в заданном ракурсе. Большая их часть была рассмотрена ранее на этапе текстуального анализа художественного текста. Отметим, что на занятии существуют в синтезе анализ констатирующий и функциональный, который неизбежно «работает» на логику интерпретации. На основе результатов сопоставительной деятельности ученики раскрывают художественный смысл параллелизма образов Андрея Болконского и Николая Ростова в романе. На учебном занятии, представленном в статье, актуализируются принципы и приемы классической методики, что во многом и обеспечивает эффективность когнитивной деятельности школьников.

Ключевые слова: роман Л.Н. Толстого «Война и мир», параллелизм, литературный персонаж, сопоставительная деятельность, ассоциативный ряд, обобщение, универсальное начало, мировоззренческая установка

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шутан М.И. Параллелизм персонажей на уроке литературы в 10 классе: Андрей Болконский и Николай Ростов // Литература в школе. 2020. № 1. С. 68–78. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-68-78

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-68-78

M.I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute for Education Development,
Nizhny Novgorod, 603122, Russian Federation

Paralleling literary characters in literature classes in the 10th grade: Andrei Bolkonsky and Nikolai Rostov

Abstract. The purpose of the article is to present the methodology of work in the school with such a compositional principle as parallelism of characters. The introductory part focuses on how the term “parallelism” is interpreted in Russian Philology. In the article the understanding of the term is presented in linguo-stylistic and architectonic contexts. Further, by the example of L.N. Tolstoy’s novel “War and peace” the author reveals the working procedure of paralleling such characters as Andrei Bolkonsky and Nikolai Rostov, the characters that practically do not interfere with each other in the narrative-event sphere of the novel. At the same time, special attention is paid to the comparative analysis in the following areas: perception of boundless natural space; perception of music; ideal and its failure; sense of justice, honesty; sense of guilt; perception of people in war; attitude to death. The logic of the training session dictates the comparison of episodes in a given perspective. Greater part of them were considered earlier at the stage of the textual analysis of the literary text. It should be noted that in the lesson there are in the synthesis two types of analysis – determining and functional, which inevitably “work” on the logic of interpretation. On the basis of the results of the comparative activity, the students reveal the artistic meaning of the parallelism of the images of Andrei Bolkonsky and Nikolai Rostov in the novel. At the lesson presented in the article, the principles and techniques of the classical methodology are kept current, which largely ensures the effectiveness of cognitive activity of schoolchildren.

Keywords: L.N. Tolstoy’s novel “War and peace”, parallelism, literary character, comparative activity, associative series, generalization, universal principle, world outlook

CITATION: Shutan M.I. Paralleling literary characters in literature classes in the 10th grade: Andrei Bolkonsky and Nikolai Rostov. *Literature at School*. 2020. No. 1. Pp. 68–78. (In Russ.) DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-68-78

Как известно, в филологии термин «параллелизм» употреблял А.Н. Веселовский, связывая его с анимистическим мирозерцанием, отражающимся в поэтическом стиле. В основе «определений, отразивших наивное,

синкретическое представление природы, закрепощенных языком и верованием, лежит перенесение признака, свойственного одному члену параллели, в другой. Это – метафоры языка» [4, с. 101–102]. Однако,

по мнению В.Е. Хализева, «наряду с параллелизмом синтаксических конструкций, в словесно-художественных произведениях укоренены сопоставления (как по контрасту, так и по сходству) и более крупных текстовых единиц: событий и, главное, персонажей... Так, в пушкинском романе в стихах... события в жизни героев (прежде всего – для объяснения Онегина и Татьяны) с их неизбежным драматизмом более сходны друг с другом, нежели контрастны» [13, с. 274–275].

Сопоставляемые персонажи могут взаимодействовать друг с другом на сюжетно-событийном уровне. Это, например, Печорин и Грушницкий, Печорин и Вернер из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Но иногда «между образами устанавливаются скрытые на первый взгляд, но очень значимые композиционные связи» [5, с. 138], не имеющие никакого отношения к сюжетно-событийному уровню художественной структуры, но весьма значимые для осознания идейной позиции автора. В связи с этим А.Б. Есин формулирует вопрос: что общего между Кутузовым и Наташей, Наполеоном и Элен? По его мнению, отвечая на него, необходимо учитывать следующий конструктивный принцип романа, непосредственно отраженный в системе персонажей: все они делятся на тех, кто живет естественной жизнью и воплощает в себе «дорогие Толстому нравственные начала любви и духовного самосовершенствования», и тех, чья жизнь неестественна, ибо «подчинена ложным целям, безнравственна в своей основе и воплощает в себе идею разъединения людей» [Там же]. По признаку пребывания в антидоме могут быть приближены друг к другу

такие герои романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», как Пилат, ненавидевший дворец Ирода, и Маргарита, понимавшая, что в особняке жить нельзя – можно только умереть [7, с. 316].

Иногда встречается следующая ситуация: соотносимые автором персонажи соприкасаются друг с другом в событийном плане (Базаров и Павел Петрович Кирсанов, Андрей Болконский и Пьер Безухов), но в то же время каждый из них включается в самостоятельную сюжетную линию. Причем есть все основания говорить о параллелизме этих сюжетных линий, о чем свидетельствует, например, следующая характеристика структуры романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», данная С.В. Савинковым: «История любовной страсти Павла Кирсанова и история Базарова по отношению друг к другу зеркально симметричны» [10, с. 58]. Кроме того, предваряя подробное рассмотрение параллелизма судеб Андрея Болконского и Пьера Безухова, Е.А. Маймин пишет о том, что эти герои высокого интеллектуального плана выражают в романе прежде всего «духовную сторону истории и исторической жизни... Они близки Толстому больше всего тем, что находятся в постоянном движении, в сомнениях и поисках» [8, с. 95–96]. У толстовских героев обнаруживаются подчас и общие иллюзии. Например, на определенном этапе жизненного пути они заморожены комплексом «наполеонизма» [9, с. 136].

Учитывая опыт школьного изучения романа Л.Н. Толстого «Война и мир» [3], мы раскроем методику работы с параллелизмом персонажей, которые соотнесены друг с другом в этом произведении, но отметим

следующее: композиционные скрепы в этом случае функционируют вне сюжетно-событийного уровня художественной структуры. Это Андрей Болконский и Николай Ростов.

Отметим, что в романе есть эпизод, в котором эти толстовские персонажи встречаются друг с другом (т. 1, ч. 3, гл. 7). Причем сама жизненная ситуация может быть названа конфликтной, в связи с чем обратим внимание на следующие слова князя Андрея: «Вы хотите оскорбить меня, и я готов согласиться с вами, что это очень легко сделать, ежели вы не будете иметь достаточного уважения к самому себе; но согласитесь, что и время и место весьма дурно для этого выбраны. На днях всем нам придется быть на большой, более серьезной дуэли». Психологическое же состояние Николая, показанное в конце главы, отличается противоречивостью, даже парадоксальностью: «То он с злобой думал о том, с каким бы удовольствием он увидел испуг этого маленького, слабого и гордого человечка под его пистолетом, то он с удивлением чувствовал, что из всех людей, которых он знал, никого бы он столько не желал иметь своим другом, как этого ненавидимого им адъютанчика».

Автор употребляет повторяющийся разделительный союз, вносящий в текст значение чередования контрастных душевных состояний совсем еще юного Николая Ростова. Симптоматично упоминание о том, что он хотел бы видеть в этом гордом человеке своего друга (чуть ранее автор упоминает о том, какое положительное впечатление на Ростова оказало спокойствие Болконского). Обнаруживается точка пересечения психологических миров персонажей, существенно отличающихся друг

от друга, что делает перспективным их дальнейшее соотнесение.

Иначе говоря, двухчасовое занятие, содержание которого определяет параллелизм образов Андрея и Николая, начинается с анализа указанного эпизода, выполняющего функцию создания установочно-мотивационной ситуации и определяющего вектор дальнейшей деятельности десятиклассников. Возможны следующие вопросы:

1. Какова причина конфликтной ситуации?
2. Как ведет себя князь Андрей? Оцените его поведение.
3. Можно ли назвать парадоксальным отношением Николая к князю Андрею?
4. Можно ли утверждать, что в романе Николай Ростов и Андрей Болконский соотнесены друг с другом? Отвечая на вопрос, исходите из содержания всего романа.

Ответ на последний вопрос будет носить приблизительный, эскизный характер, если учитывать, что он предполагает опору на реалии художественного текста. Но при помощи этого вопроса учитель создает проблемную ситуацию и как бы перекидывает мостик к основной части занятия.

Сопоставительная деятельность десятиклассников может быть методически обеспечена следующей системой вопросов и заданий:

1. *Найдите общее в том, как воспринимают безграничное природное пространство Андрей Болконский и Николай Ростов. Выявите различие в психологических состояниях персонажей Льва Толстого (т. 1, ч. 3, гл. 16 – т. 1, ч. 2, гл. 8).*

Обнаруживается общее в восприятии суетного – всего того, что связано

с войной, и возвышенного, ассоциирующегося в сознании каждого из персонажей с миром природы – с тем, что находится где-то далеко по вертикали или горизонтали. Но если у князя Андрея есть ощущение блаженства, вызванное оторванностью от земного мира, то у Николая – «болезненно-тревожное впечатление», обусловленное страхом смерти, ибо он не в состоянии отвлечься от зла, которое несет с собой суетный, земной мир. Но и там и здесь налицо романтическая антитеза.

2. Докажите, что пение Наташи оказывает сильное воздействие на князя Андрея и Николая. Сопоставьте реакцию толстовских героев на пение Наташи. В ходе сопоставления обратите внимание на прием антитезы в соответствующих эпизодах романа (т. 2, ч. 3, гл. 19 – т. 2, ч. 1, гл. 15).

Пение Наташи подводит князя Андрея к мысли о противоположности высшего, духовного, чему нет адекватного словесного обозначения, и плотского, материального. К мысли, которая одновременно томит и радует. Кроме того, пение Наташи влияет на восприятие Болконским жизненного пространства: бросается в глаза антитеза замкнутой сферы (эпитет «душная» следует понимать предельно широко, не связывая его только с физическим состоянием человека!) и «вольного света Божьего», казалось бы, не имеющего никаких границ. И самое главное – взгляд в будущее, открывшаяся князю Андрею жизненная перспектива. Для Николая же музыка – это «экстаз, в котором смешались восторг и отчаянье... То, что было всегда безусловно, ощущается относительным и незначимым» [1, с. 9–10]. Романтическое восприятие музыки тем не менее не обуслов-

ливает новый этап жизни героя: это эмоциональная вспышка, после которой он возвращается в прежнее состояние (вспомним о разговоре Николая с отцом по поводу долга Долохову).

3. Какое место занимает слово «Тулон» во внутреннем монологе князя Андрея и почему в конце первого тома он увидел Наполеона маленьким? Покажите значимость для характеристики психологических состояний Николая, созерцающего своего кумира, таких слов, как «прощая», «солнце», «броситься в огонь», «нечист, груб и гадок», «отчаяние». Почему Николай разочаровался в императоре Александре? Как характеризует толстовских героев ситуация разочарования в идеале (т. 1, ч. 3, гл. 12, 19 – т. 1, ч. 3, гл. 8, 10, 18; т. 2, ч. 2, гл. 21)?

Мечты о славе, вызванные потребностью любви, известности, в сознании князя Андрея связаны с личностью Наполеона. Поэтому не удивляет, что самая счастливая минута жизни и Тулон как символ триумфа, ставший явлением исторической мифологии, отождествляются Болконским. У Николая другой идеал – император Александр. Его личность мифологизируется юным толстовским героем, в связи с чем образ солнца с лучами кроткого и величественного света приобретает особую значимость. Отметим, что влюбленность в кумира вызывает контрастные с точки зрения морали реакции: если в одной ситуации провоцирует на прощение обидчиков, так как распространяет чувство обожания на всех людей, делая его всеобъемлющим, то в другой ситуации становится причиной пренебрежительного отношения к раненому солдату, выдвигая на первый план эстетический фактор, столь неуместный сейчас.

Причины крушения идеалов у героев разные: если Андрей осознает всю ничтожность Наполеона на фоне безграничного неба, символизирующего возвышенное начало, от которого так далек французский император, то на отношении Николая к Александру сильнейшее влияние оказывает Тильзитский мир, вызывающий у Ростова тяжелейшее, даже болезненное психологическое состояние, ибо никак не согласуется с жизненным опытом, приобретенным уже «повзрослевшим» толстовским героем.

4. При каких обстоятельствах раскрывается честность героев Льва Толстого? На какой основе их можно противопоставить друг другу и в этом случае (т. 1, ч. 2, гл. 21 – т. 1, ч. 2, гл. 4, 5)?

Отстаивая справедливость, Андрей Болконский защищает Тушина перед лицом Багратиона. Справедливость пытается отстаивать и Николай Ростов, понявший, что деньги Денисова украдены Теляниным. Но, будучи не поддержанным офицерами, которые больше думают не о справедливости, а о чести полка, он «сдается», о чем свидетельствует его монолог, отличающийся прерывистостью речи, слабой синтаксической организованностью. О том, как нелегко Ростову произносить эти слова, свидетельствует и такая деталь портрета, как слезы на глазах. В рассмотренных ситуациях обнаруживается контраст толстовских персонажей: Андрей, идущий «по дороге чести», резко противопоставляется совсем юному, неопытному Николаю, показывающему слабость характера.

5. Сопоставьте реакцию князя Андрея на смерть жены с реакцией Николая Ростова на свое поведение в Островненском деле. Можно ли воспринимать тавтологию, встреча-

ющуюся в тексте Толстого («виноват в вине»), как речевую ошибку (т. 2, ч. 1, гл. 9 – т. 3, ч. 1, гл. 15)?

После смерти Лизы князь Андрей винит себя за пренебрежительное отношение к своей жене. Причем тавтологичное словосочетание «виноват в вине» передает тяжелое душевное состояние человека, понимающего, что освободиться от чувства вины он никогда не сможет, это его «крест». Николай же Ростов испытывает «неприятное чувство, сжимающее его сердце», чувство, вызванное его поведением в Островненском деле и в полной мере не осознанное в системе этических координат. От этого чувства он вскоре освободится.

6. С чем ассоциируются в сознании князя Андрея барахтающиеся в пруде солдаты? Чем «охота» на человека напоминает охоту на волка? Что сближает рассмотренные вами эпизоды романа (т. 3, ч. 2, гл. 5 – т. 3, ч. 1, гл. 15)?

В условиях войны в сознании того или иного персонажа обнаруживается процесс «расчеловечивания» людей: они могут восприниматься как барахтающееся в грязной луже «человеческое мясо», «пушечное мясо» (сознание Андрея), но может возникнуть и ассоциация с волком, которого «травит» охотник (сознание Николая). Именно такому восприятию человека противопоставлен портрет француза, ведь на его жизнь и покушался Ростов во время «охоты» на человека. Причем, если в первой ситуации речь идет о созерцании людей персонажем, ведущим себя пассивно, то во второй – об активных действиях, отличающихся целенаправленностью и жесткостью. Таким способом Л.Н. Толстой показывает всю бесчеловечность, антигуманность войны.

7. Сопоставьте отношение Андрея Болконского и Николая Ростова к смерти. Выявите особенности их внутренней речи (т. 3, ч. 2, гл. 24, 36 – т. 1, ч. 2, гл. 19).

Если Андрей, думая о смерти, представляет березы, облака, дым костров после того, как он сам покинет земной мир, или непосредственно перед тяжелейшим ранением смотрит на траву, на полынь, на струйку дыма от «черного мячика» и думает о невозможности смерти, о любви к жизни, то Николай, напоминаящий зайца, который убегает от собак, охвачен сильнейшим чувством страха «за свою молодую, счастливую жизнь». В этой ситуации Ростов не всматривается в природный мир, а вспоминает о любви к нему родственников и друзей. Что-то детское обнаруживается в его фразах. Размеренная, ритмически организованная внутренняя речь Андрея как бы противопоставляется экспрессивной, прерывистой внутренней речи Николая.

8. Раскройте художественный смысл параллелизма образов Андрея Болконского и Николая Ростова. Кто из этих образов вам ближе и почему?

Прежде всего обратим внимание на то, что систематическая работа с тематически близкими фрагментами художественного текста приучает школьников к выявлению специфических черт каждого из них. Так, на уроке рассматриваются три эпизода, в которых показывается влюбленность Николая в императора Александра, а в ней выражается стремление к идеалу, столь характерное для юности. В формулировку соответствующего задания (п. 3) входят ключевые слова, выполняющие функцию «навигаторов». Они и помогают школьникам осознать особенности каждого

из эпизодов, раскрыв весь диапазон психологических состояний Николая, объединенных общим чувством: провозглашение любви ко всем людям и прощение их за нанесенные обиды (как не быть щедрым, если у тебя приподнятое душевное состояние!); мифологизация исторической личности, напоминаящая о кодах древних культур, в которых восприятие солнца и его энергии приобретало особую значимость (возможна и совсем другая ассоциация – с французским королем-солнцем, Людовиком); раздражение, причина которого – во вторжении в особый, поэтический мир примет грязной, непричесанной реальности; отчаяние, вызванное упущенной возможностью успокоить своего кумира в труднейшие минуты его жизни, ведь в Аустерлицком сражении русские войска разгромлены. Ты мог быть рядом с ним – с кумиром, с Богом! И Николаю кажется, что с ним случилось величайшее из несчастий и его трудно будет пережить.

Однако задание может быть представлено и в усложненном виде. В этом случае перед учениками будет поставлена задача – выявить формы проявления влюбленности. Тогда лексику, являющуюся опорной в процессе аналитической деятельности, школьники находят сами, обходясь без «подсказки».

Полезным для школьников становится и сопоставление эпизодов, которые, на первый взгляд, чрезвычайно далеки друг от друга и, казалось бы, входят в разные смысловые (ассоциативные) ряды. Но при их анализе все зависит от ракурса рассмотрения, от идейно-художественной доминанты, которая оказывается в центре внимания.

Например, реакция князя Андрея на смерть своей жены может войти в разные ассоциативные ряды:

- 1) отношение Болконского к Лизе (в салоне Анны Павловны Шерер, разговор Андрея с Марьей и отцом перед отправлением в армию и др.);
- 2) одно из значимых событий в жизни Болконского (Аустерлицкое небо; девочка, хотевшая взлететь в небо);
- 3) отношение к смерти другого человека (Пьер и его умирающий отец, отношение княжны Марьи к идее смерти отца и к самой его смерти, отношение графини Ростовой к гибели Пети, восприятие Пьером гибели людей на поле Бородинского сражения и во время казни поджигателей).

Но на характеризуемом уроке этот эпизод соотносится с «военным» эпизодом из третьего тома романа (Николай Ростов в Островненском деле) – и в центре внимания оказывается чувство вины, совесть.

Отметим, что задание, предполагающее включение того или иного эпизода в разные ассоциативные ряды в рамках изучаемого произведения, трудно переоценить, так как оно развивает гибкость мышления, навыки обобщения, основанные на выявлении базового признака, который и будет выполнять синтезирующую, скрепляющую функцию при оперировании элементами художественной структуры.

Отдельно остановимся на последнем задании, предполагающем формулирование выводов сопоставительного характера.

Интересно отношение персонажей к идеалу. Даже его выбор весьма симптоматичен: если для Николая значимым становится эстетический

фактор, имеющий непосредственное отношение к обаянию государственной власти, то для Андрея – биография, судьба исторической личности, прославившей себя выдающимися деяниями. И, конечно же, созерцательной позиции еще совсем юного толстовского персонажа, который в лучшем случае был готов обратиться к императору со словами утешения, но тем не менее не сделавший этого, резко противопоставлена позиция Болконского, намеренного действовать во имя собственной славы и совершающего героический поступок на поле Аустерлица.

Как мы видим, и Андрею Болконскому, и Николаю Ростову доступно восприятие возвышенного, приобретающего разные формы (безграничные природные пространства, музыка). Нельзя не отметить и то, что толстовские персонажи, например, во многом по-разному воспринимают пение Наташи: если Николай настолько в эти минуты эмоционален, что сам чуть ли не начинает петь, а осознание им жизни отличается наивностью, почти детской, хотя и несущей в себе романтические черты, то Андрей, будучи интеллектуалом, под влиянием музыки подходит к философскому осмыслению человека, его сложной, противоречивой природы.

Нельзя пройти и мимо серьезного, сущностного различия: если «контакт» с высшим, универсальным началом предопределяет следующий этап жизни Андрея, наполняя его новым содержанием (хотя и здесь возможно приближение к душевным кризисам), то для Николая этот «контакт» лишь вспышка, за которой обнаруживается возвращение в прежнее психологическое состояние. Только что сказанное распространяется

и на чувство вины, столь устойчивое у князя Андрея, оказывающее влияние на его дальнейшую внутреннюю жизнь и почти мимолетное у Николая Ростова. Неустойчивым, слабым оказывается и чувство справедливости. Вспомним, насколько контрастирует его смиренческая позиция в ситуации с Теляниным с позицией Болконского, открыто, решительно, даже резко защищающего перед самим Багратионом человека, в отношении которого может быть принято несправедливое решение. По мнению С.Г. Бочарова, «Николай Ростов в результате своих кризисов не позволяет себе усомниться в том, что признано всеми. Ужаснувшись своих мыслей, он силой вдвигает себя обратно в тот круг, где все наперед известно» [1, с. 53]. О.В. Сливицкая подчеркивает: «Внутренних ресурсов развития у него нет, подсознание отталкивает все, что чревато сложностями. Однако он в очень большой степени зависит от обстоятельств: меняются обстоятельства – меняется с ними и он, точнее, под влиянием обстоятельств обнаруживается то высокий, то низкий характер его простоты» [11, с. 43].

Разочарование в Александре в цикле эпизодов, имеющих отношение к заключению Тильзитского мира, доказывает справедливость этой мысли. Сначала мы видим перед собой молодого человека, который ощущает и в определенной мере осознает несправедливость того, что происходит, ибо само это событие никак не соответствует его жизненному опыту (мысли о жертвах, о Денисове, о солдате Лазареве свидетельствуют об этом). Но принципиально важно, что с ним происходит далее: находясь в перевозбужденном состоянии, будучи потрясенным случившимся,

он много пьет и словами о том, что не их дело рассуждать о действиях властей, а быть слепыми исполнителями их воли, решений, пытается задавить, заглушить в себе душевную боль, смятение, от которых скоро освободится, после чего жизнь его войдет в привычное русло.

Существенные различия фиксирует В.И. Камянов, следующее суждение которого учитель может предложить десятиклассникам для осмысления, в том числе и аргументации: «Николай Ростов и князь Андрей, напротив, встречают войну во всеоружии опыта. У первого – опыт почти рефлекторного подчинения сложившимся стандартам, у второго – интеллектуального превосходства над любой системой стандартов» [6, с. 225].

Как мы видим, в романе Л.Н. Толстого обнаруживается существенное различие между «просто хорошим человеком» и человеком, пытающимся быть таким, при этом согласующим свои поступки с теми нормами, которые «работают» в привычной для него социальной среде, хотя подчас и выходящим за их рамки и даже приподнимающимся над ними, и личностью глубокой, интеллектуальной направленности, по-настоящему осмысляющей реальность и самую себя, способной на устойчивые нравственные реакции, которые нередко выражаются в поступках, достойных уважения.

Конечно, объясняя причину таких различий, школьники не могут игнорировать возрастной фактор, но вряд ли к нему и должны все свести, ибо в личностном плане слишком уж отличаются друг от друга Андрей Болконский и Николай Ростов – представители семейств с разными жизненными, мировоззренческими

установками, с разной психологической атмосферой: Николай призван «оппонировать Болконскому и обозначать “другой берег”, традиционно-усадебный, не отягощенный умственными заботами» [6, с. 106].

В заключение отметим, что есть основания говорить и о параллелизме образов Николая Ростова и Пьера Безухова, если взять за основу формулы «в миру – в мире». В первом случае речь идет о мирской жизни, о без-

граничности человеческих связей, о «безурядице вольного света», где трудно жить, где мучительна ситуация выбора. Во втором же случае предполагается жизнь «в монастыре», фигурально выражаясь. Для Николая «монастырем» является Павлоградский полк, а для Пьера – масонская ложа. Здесь жизнь отличается упорядоченностью, мир кажется благоустроенным, здесь легче быть в согласии с самим собой [1, с. 232–237].

Библиографический список

1. Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». 4-е изд. М., 1987.
2. Бочаров С.Г. «Мир» в «Войне и мире» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 229–248.
3. Браже Т.Г. Целостное изучение эпического произведения. 2-е изд. СПб., 2000.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
5. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. 11-е изд. М., 2013.
6. Камянов В.И. Поэтический мир эпоса: О романе Л. Толстого «Война и мир». М., 1978.
7. Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб., 2001.
8. Маймин Е.А. Лев Толстой. М., 1978.
9. Мотылёва Т.Л. Лев Толстой // История всемирной литературы / отв. ред. И.А. Бернштейн. Т. 7. М., 1991. С. 130–151.
10. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010.
11. Сливичкая О.В. «Война и мир» Л.Н. Толстого: Проблемы человеческого общения. Л., 1988.
12. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 3–6. М., 1987.
13. Хализев В.Е. Теория литературы. 2-е изд. М., 2000.

References

1. Bocharov S.G. Roman L. Tolstogo «Voyna i mir» [L. Tolstoy's novel "War and Peace"]. 4th ed. Moscow, 1987. (In Russ.).
2. Bocharov S.G. "Peace" in "War and Peace". Bocharov S.G. *O khudozhestvennykh mirakh*. Moscow, 1985. Pp. 229–248. (In Russ.).
3. Brazhe T.G. Tselostnoye izucheniye epicheskogo proizvedeniya [Holistic study of the epic literature]. 2th ed. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
4. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Moscow, 1989. (In Russ.).
5. Esin A.B. Principy i priyomy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoye posobie [Principles and techniques of analysis of a literary work: a tutorial]. 11th ed. Moscow, 2013. (In Russ.).
6. Kamyanov V.I. Poeticheskiy mir eposa: O romane L. Tolstogo «Voyna i mir» [The poetic world of the epic: About L. Tolstoy's novel "War and Peace"]. Moscow, 1978. (In Russ.).
7. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
8. Maymin E.A. Lev Tolstoy [Leo Tolstoy]. Moscow, 1978. (In Russ.).
9. Motyleva T.L. Leo Tolstoy. *Istoriya vsemirnoy literatury*. I.A. Bernshteyn (ed.). Vol. 7. Moscow, 1991. Pp. 130–151. (In Russ.).

10. Savinkov S.V., Faustov A.A. Aspekty russkoy literaturnoy kharakterologii [Aspects of Russian literary characterology]. Moscow, 2010. (In Russ.).
11. Slivitskaya O.V. «Voyna i mir» L.N. Tolstogo: Problemy chelovecheskogo obshcheniya [“War and Peace” by L.N. Tolstoy: Problems of human communication]. Leningrad, 1988. (In Russ.).
12. Tolstoy L.N. Sobraenie sochineniy: V 12 t. [Works in 12 vol.]. T. 3-6. Moscow, 1987.
13. Halizev V.E. Teoriya literatury [Theory of literature]. 2th ed. Moscow, 2000. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.10.2019, принята к публикации 30.12.2019
The article was received on 30.10.2019, accepted for publication 30.12.2019

Об авторе / About the author

Шутан Мстислав Исаакович – доктор педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой словесности и культурологии, Нижегородский институт развития образования

Mstislav I. Shutan – ScD in Education, Associate Professor; Head of the Department of Literature and Cultural Studies, Nizhny Novgorod Institute of Education Development

E-mail: mshutan@mail.ru